

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

ЖУРНАЛ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

CULTURAL CODE

JOURNAL OF PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE

Т2019

ISSN 2658–3852

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

1'2019

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Журнал выходит 4 раза в год

Точка зрения авторов публикаций
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала
«Культурный код» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 614000 ПЕРМЬ, УЛ. ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», 18

Электронная копия журнала размещена на сайте <http://www.psiac.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77–73298 от 20.07.2018

© Пермский государственный
институт культуры, 2019

Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская
Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова

Редакционный совет:

Е. В. Абдуллаев (Toshkent, O‘zbekiston), Н. Н. Гашева (Пермь),
Н. Б. Зубарева (Пермь), Sándor Kálai (Debrecen, Magyarország),
А. В. Конева (Санкт-Петербург), О. Л. Лейбович (Пермь),
А. М. Лобок (Екатеринбург), Н. А. Петрусева (Пермь),
М. Е. Пылаев (Пермь), Л. Д. Пылаева (Пермь), Н. С. Розов (Новосибирск),
Laura Salmon (Genova, Italia), Р. И. Сергиенко (Минск, Беларусь),
Luca Somigli (Toronto, Canada), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

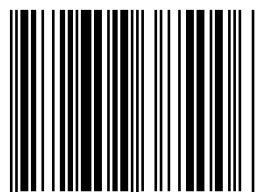
Редакционная коллегия:

Л. Д. Благовещенская (Новосибирск), Д. В. Бубнов (Пермь),
Н. Н. Вотинцева (Пермь), А. Л. Глушаев (Пермь), А. Н. Ильин (Омск),
А. В. Корчинский (Москва), А. А. Лисенкова (Пермь), М. Н. Лукьянов (Пермь),
П. А. Моисеев (Пермь), М. В. Софьина (Пермь), А. А. Суворова (Пермь),
Н. В. Суржикова (Екатеринбург), А. Б. Танасейчук (Саранск),
Е. М. Четина (Пермь), М. М. Чудинова (Пермь)

Ответственный редактор – М. В. Софьина

Выпускающий редактор – П. А. Моисеев

ISSN 2658-3852

9 772658 385006 >

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вольский Николай

Почему начальники не любят интеллигентов. Часть 2 7

Тройчун Ксения

Интеллигент как текст: презентационные стратегии представителей пермской интеллектуальной элиты в постсоветский период (кейс В. В. Абашева)20

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кальченко Оксана

Репрезентация гендера в перформансах Елены Ковылиной34

Пылаев Михаил, Пылаева Лариса

Киноверсии оперной классики в музыкально-исторических курсах ВУЗов43

Суворова Анна

Религиозный дискурс в американском аутсайдерском искусстве52

РЕЦЕНЗИЯ

Чащухин Александр

Зарубежные дискуссии и социология научного знания на книжной полке отечественного исследователя-гуманитария (С. Фуллер. Социология интеллектуальной жизни. Карьера ума внутри и вне академии / Стив Фуллер; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018)60

Резюме 69

Сведения об авторах 81

CONTENTS

CULTURAL STUDIES

Volsky Nikolay

Why do bosses not like the members of intelligentsia? 7

Troichun Kseniia.

An «Intelligent» as a text: presentation strategies of representatives of Perm intellectual elite in the post-Soviet period (case by V. Abashev) 20

ART STUDIES

Kal'chenko Oksana

Representation of gender in Elena Kovylna's performances 34

Pylaev Mikhail, Pylaeva Larisa

Film operas after classical operatic works in musical historical study courses of institutions of higher learning 43

Suvorova Anna

Religious discourse in American outsider art 52

REVIEW

Chashchukhin Aleksandr

Western discussions and sociology of scientific knowledge on the bookshelf of the Russian Humanities. Book review: Fuller S. The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and around the Academy. (Russian translation: С. Фуллер. Социология интеллектуальной жизни. Карьера ума внутри и вне академии / Стив Фуллер; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 384 с.) 60

Abstracts 72

List of Authors 82

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 304

Н. Н. Вольский

ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНИКИ НЕ ЛЮБЯТ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ?*

Часть 2

Интеллигентность – способность человека понимать больше, чем ему выгодно.

Александр Круглов

Вот где собака зарыта

Теперь, несколько разобравшись со взаимоотношениями интеллигентов и интеллектуалов и выяснив основную причину возникновения дополнительной путаницы в вопросе, который и без того остается неясным, можно идти дальше и заняться самой интересной частью рассматриваемой проблемы, а именно, попытаться понять, что из себя представляет *интеллигентность*.

Исходный тезис, гласящий, что интеллигенция – это олицетворенный в конкретных людях разум общества¹, подталкивает к логичному выводу: *интеллигентность* – высокая степень умственных способностей, или *интеллигентный* человек – это *умный* человек. И все было бы хорошо и просто, если бы мы употребляли слово *интеллигентность* для описания умственных способностей человека, а *интеллигентный* – для того, чтобы указать на разумность того или иного мнения, высказывания, лица или поступка. Но ведь в нашем языке, в отличие от большинства европейских, это не так. Попробуем в каком-то высказывании заменить *умный* на *интеллигентный*, например, *умное решение* заменим на *интеллигентное решение* – смысл высказывания заметно изменится. Точно то же произойдет, если мы вместо *Он поступил умно* скажем *Он поступил интеллигентно* и т. д. Разве, говоря *Ему интеллигентности не хватает*, мы хотим сказать, что тот, кого мы имеем в виду, глуп? Вовсе нет. Вполне возможно, что поводом к этому высказыванию как раз и послужило некое очень умное и расчетливое действие обсуждаемого лица. Бессмысленно приводить дальнейшие примеры, поскольку всякому говорящему на русском ясно, что во множестве

© Вольский Н. Н., 2019.

* Продолжение. Начало см.: Культурный код, 2018, № 1.

контекстов *умный* и *интеллигентный* не являются синонимичными выражениями. Да и если обратиться от слов к реалиям, можно ли сказать, что встречающиеся нам в жизни интеллигентные люди поголовно отличаются чрезмерным развитием умственных способностей или что они в абсолютном большинстве случаев принимают умные решения? Никакой статистики здесь нет (да и быть не может из-за неформализуемости обсуждаемых понятий), но обыденный жизненный опыт говорит, что интеллигентность может сочетаться как с блистательным умом, так и с очевидной глупостью, и если количество ума (как его ни понимай) у интеллигентной публики в среднем и выше, чем у прочих категорий населения, то это различие не столь велико, чтобы бросаться в глаза.

К аналогичным выводам приведут и попытки приравнять *интеллигентность* к *честности*, *совестливости*, *вежливости* и прочим нравственным категориям. Многие из интеллигентных людей обладают этими завидными качествами, но это лишь сочетание *разных* качеств, присущих одной и той же личности. Вероятно, между интеллигентностью и этими признаками существует определенная корреляция, но логической, понятийной связи между ними нет. Мы не можем отказать интеллигентному человеку в способности лгать, подхалимствовать, быть скандалистом или подделывать кредитные билеты. Все это – его неотъемлемые права, которые он при желании может реализовать на практике, теряя, возможно, уважение окружающих, но не лишаясь автоматически звания интеллигентного человека². Отмеченная ранее склонность к растворению *интеллигентности* в комплексе тонко нюансированных нравственных понятий ведет к тому, что ее специфичность моментально теряется и одновременно теряется связь с этимологически определяющим ее умом. А такая связь, несомненно, должна быть – как же может быть иначе, если обладание именно этим качеством позволяет человеку предстать от имени ума.

Выяснив, что интеллигентность не является умом или его мерой, но как-то глубоко с ним связана, мы оказались в той точке рассуждений, где путь последовательных, шаг за шагом выводов, опирающихся на предыдущие построения или на некие факты действительности, обрывается. Перед нами бесчисленное множество возможных решений, связывающих понятие *интеллигентности* с понятием *ума*, и каждое из этих решений может оказаться верным, но, не зная заранее правильного ответа, мы не понимаем, в какую сторону мы должны направить свои исследовательские усилия. Если мы не склонны идти путем бесконечного перебора возможных вариантов, мы должны сделать в этой точке мыслительный скачок и, испытав мгновенное озарение, внутренним взором увидеть в свете этой вспышки истинное значение слова *интеллигентность*, одновременно осознав его истинность.

Чтобы не томить далее читателя, скажу, что суть истинного понимания *интеллигентности* выражена в предвещающей статью эпиграфе. Когда, начиная писать эту работу, я наткнулся на определение А. Круглова [Круглов, 2000]³, у меня было ощущение, что мои старания оказываются совершенно избыточными:

главное из того, что я собирался сказать, уже сказано. Однако писательский зуд победил и привел к появлению на свет опуса, который вы читаете. В свое оправдание могу лишь сказать, что я честно поместил афоризм Круглова в самое начало текста, а не стал прятать его до момента, когда понадобится дать читателям разгадку обсуждаемой проблемы. Всякий, кто уже после прочтения эпитафии действительно понял, что такое *интеллигентность*, имел возможность со спокойной совестью отложить статью в сторону и заняться другими насущными делами. Если же он продолжил чтение и, увлекшись прихотливостью авторской мысли и избытком употребляемых автором риторических приемов, дочитал статью до этого места, то мне и вовсе не в чем перед ним оправдываться.

Поскольку два интеллигентных человека никогда не могут совпасть в своих взглядах, как бы ни были близки их исходные позиции, то, отдав должное первооткрывателю ключевого для нас определения, все же продолжим выяснение, с ранее изложенной точки зрения, тех следствий, которые вытекают из предлагаемого понимания *интеллигентности*. Здесь еще есть о чем поговорить.

Человек vs его ум

Понимать больше, чем выгодно... – что это значит? Как вообще объем понимания может определяться выгодой? *А плюс В...* – понимаю, *...и минус С...* – нет, не понимаю, *минус* – не выгодно, зачем мне это понимать. Но ведь, если я вижу, что *минус* невыгоден, значит я уже понял сущность и значение этого *минуса*, и все мои «жалкие слова» о непонимании – только проявление лицемерия или выражение невротического нежелания принимать действительность такой, какая она есть, и склонности спихивать все неприятные факты в подсознание. То есть мой *отказ понимать* лишь подтверждает, что я, на самом деле, *понял* и знаю это, якобы мною *непонимаемое*.

Если читатель считает, что рассуждение в предыдущем абзаце убедительно, то, вероятно, он может с достаточным основанием считать себя интеллигентным человеком. По крайней мере, именно так рассуждает обычно человек, обладающий высоким уровнем интеллигентности. Так проявляет себя *интеллигентное* применение ума, присущего человеку. Потому что суть интеллигентности не в степени развития ума или отдельных умственных способностей, составляющих целостный человеческий ум, а в *способе применения* наличного у человека ума, в *модусе*, в котором функционирует данный ему Богом ум.

Не пытаюсь точно эксплицировать понятие *ума*⁴, что, наверняка, окажется посложнее определения *интеллигентности*, сойдемся на том, что одним из главных проявлений присущего субъекту ума служит обнаруживаемая им способность выбирать правильные решения, с большой вероятностью ведущие к достижению поставленной цели. Конечно, будет ли цель достигнута, зависит не только от выбора соответствующих средств, но и от удачи (от вмешательства непредвиденных обстоятельств и т.п.), тем не менее, если мы видим, что один раз за разом попадает

впросак, а другой регулярно получает желаемое, мы склонны предполагать, что первый – глуп, в то время как второй – умен. С этой точки зрения, совершенно неважно, какие человеческие способности участвуют в выборе решений. Некоторые из них принимаются интуитивно, на основании ранее усвоенного жизненного опыта, выступающего не как вербализованный алгоритм, а как усвоенный навык – умение выбирать верный путь для решения таких задач. В других случаях человек может использовать для того же сознательный анализ ситуации и оценку вероятностей входящих в нее событий, рассчитывая таким образом шансы на достижение цели тем или иным путем и выбирая из них оптимальный. Он может даже, приложив умственные усилия, изобрести некий новый способ достичь недостижимой иным путем цели. Но нас не должны интересовать внутренние механизмы принятия решений, мы оцениваем ум в зависимости от эффективности такой внутренней деятельности: тот, кто умеет добиваться поставленных целей, тот и обладает умом. При таком взгляде даже собака, про которую нельзя сказать, что она *думает*, может быть оценена как умная или не очень, в зависимости от того, насколько адекватные способы достижения целей она выбирает.

Вопрос о том, кто задает цели и тем самым запускает деятельность ума, обычно просто не встает. Очевидно, что таким заказчиком для ума выступает тот, о чьем уме идет речь, – хозяин ума. Но если это так, то становится очевидной и связь выгоды с деятельностью ума. Результат этой деятельности – некая *истина*, но заказчик нуждается не в любой истине, а лишь в той, которая помогает ему достичь поставленных целей, то есть в истине, выгодной хозяину ума. И тогда картинка будет несколько иной: *А плюс В...* – понимаю... так-так... и сколько же это будет в неделю?... а в год?... отлично, *...и минус С...* – та-ак... и где же здесь прибыль? ...чепуха какая-то! что ты мне подсовываешь? зачем мне это понимать?

В данной системе координат выгода оказывается регулятором деятельности ума: он начинает функционировать, когда хозяин ума ставит перед ним какую-то цель, и отключается, когда выясняется, что его деятельность не ведет к решению хозяйских проблем. Именно в этом, обслуживающем хозяина режиме привык работать ум «простого человека». Пока хозяин пишет дипломную работу, его специально натренированный ум будет решать дифференциальные уравнения – и, вполне возможно, с успехом, но, как только хозяина после окончания вуза поставят руководить баней, выражение $(\cos x)' = -\sin x$ потеряет для его ума всю свою истинность и станет очевидной бессмыслицей, понимать которую нет ни малейшей нужды. При этом свойства ума останутся, возможно, теми же самыми, и он – опять же с успехом – будет решать текущие проблемы, обеспечивая хозяйскую выгоду. Продолжая развивать эту мысль и, по-видимому, доводя ее до абсурда, можно сказать, что понятие *истины* осмысленно только в том случае, когда эта истина кому-то полезна, и только для него она обладает истинностью, для всех прочих она – лишь информационный шум, не обладающий никакой ценностью. Как ни дико выглядит такой доморощенный «прагматизм», но внутренне

он вполне согласован и, можно сказать, логичен. Действительно, если замена в вышеприведенном выражении *минуса* перед *sin x* на *плюс* ничего не меняет в конечном результате, то о чем тут можно рассуждать и где тут задача для ума, что тут можно *понимать*? Понимание и деятельность ума в целом заканчиваются там, где исчезает полезность такой деятельности для обладателя ума.

Эти рассуждения кажутся дикими и уводящими в сторону от существа дела только потому, что мы привыкли к интеллигентному взгляду на себя и свой ум. С нашей привычной точки зрения, ум не является инструментом, которым мы пользуемся по своему желанию и который останавливается, как только мы перестаем нагружать его своими заданиями. Что-то такое можно, пожалуй, сказать о наших руках и ногах или о языке, которые сильно озадачили и раздражили бы нас, начни они действовать по собственной воле, но для ума такое послушное поведение вовсе не характерно. Он во многих случаях действует вполне самостоятельно, не дожидаясь заданных ему вопросов и имея свою внутреннюю мотивацию для функционирования. Ум вместе с приданными ему чувствами следовало бы, скорее, уподобить тем частям нашего организма, которые живут своей особой жизнью и если и реагируют на потребности нашего «я», то делают это по своим эволюционно завершенным программам, вовсе не повинаясь нашим приказам и увещаниям. Сердце бьется, не спрашивая у нас на то разрешения, желудок что-то урчит в животной темноте – переваривает пищу, но не надо строить иллюзий по поводу того, что это же, дескать, мы, поев, задали ему эту задачу. Кто на самом деле дает задания, а кто должен слушаться и брать под козырек, выяснится уже через несколько часов, когда наше утро, закончив свое дело и слегка передохнув, потребует очередной порции и, видимо, достаточно быстро добьется выполнения своего заказа, даже если мы имели на этот счет другие планы и собирались сбросить пару лишних килограммов за ближайшую неделю. Нет сомнений, наши органы неустанно пекутся о нашем благе, но они вовсе не интересуются нашим мнением относительно того, в чем это благо состоит. У них есть собственные мотивы деятельности.

Что-то похожее мы можем увидеть и обратив внимание на деятельность своего ума: правда, обычно он не отказывается выполнять наши поручения, когда нам нужно обдумать какую-нибудь торговую операцию, рассчитать величину оплаты за электроэнергию или подготовить выступление на конференции, но, как только мы оставим его в покое, он займется обдумыванием каких-то других проблем, и большей частью трудно сказать, что в этот раз привлечет его внимание. Это может быть нечто, только что увиденное или услышанное, но может оказаться и проблемой из далекого прошлого – *что она хотела этим сказать, когда...* – или наоборот из ближайшего будущего – *смогу ли я купить, наконец, ботинки, если пятого вдруг дадут премию...*, или человек может сочинять стихи, или задуматься над тем, как несправедливо устроена наша жизнь, или попытается разобраться, откуда все же берется *минус* перед *sin x*, или... Все эти непредсказуемые варианты различных действий ума не беспричинны: их выбор и

развитие определяются имеющимися в нашей душе разнообразными «силовыми линиями», которые направляют течение наших мыслей и которые зависят от нашего житейского опыта, воспитания, образования, склада характера, темперамента, актуальной жизненной ситуации, уровня умственных способностей и множества других условий, делающих наши мысли и переживания, взгляды и оценки индивидуальными и неповторимыми. И хотя в этом отношении наш ум не свободен от нашей личности и самые неожиданные мысли несут на себе ее отпечаток, все же в таких случаях наш ум функционирует в свободном режиме и, руководствуясь собственными внутренними мотивами, сам ставит себе задачи. Мысль сама *приходит в голову*, развивается в соответствии со своей собственной логикой, продуцирует вытекающие из нее выводы и оценки, и лишь после этого может встать вопрос о пользе, которую может принести нам открывшаяся уму истина⁵. Речь здесь идет не только о каких-либо теоретических рассуждениях, оторванных от обыденной жизни и наших бытовых потребностей. Предметы наших размышлений, расчетов и оценок могут быть самыми приземленными (*не пора ли мне купить новые шнурки?..* или *опять эта скотина поставила машину на тротуар!..*), а могут быть и весьма возвышенными (*что же следует понимать под интеллигентностью?..*), но важно не это, важно то, что ум выбирает эти предметы самостоятельно, очень часто не соотнося этот выбор с некой предполагаемой пользой. Так функционирует ум всякого человека: как самого интеллигентного, так и самого простого, интеллигентностью не обремененного. Возможность деятельности и в *инструментальном*, вынужденном внешним заданием, и в *свободном* режиме заложена в самой конструкции человеческого ума.

Более того, почти то же самое мы можем сказать о душевной организации высших животных, по крайней мере, млекопитающих. После открытия Павловым ориентировочно-исследовательского рефлекса, который мотивирует «бескорыстную» поисковую деятельность, не обусловленную актуальными в данный момент жизненными потребностями животного, мы можем, не впадая в антропоморфизм и оставаясь на естественнонаучной почве, говорить о том, что и собака, и обезьяна, и даже какой-нибудь глупенький хомячок способны «искать истину», не приносящую им никакой очевидной пользы, и находить удовольствие в самом процессе исследования⁶. Такая совершенствовавшаяся на протяжении миллионов лет биологической эволюции способность живых организмов имеет вполне разумное обоснование в потребностях их индивидуального и видового развития. Обретенная в ходе свободных поисков истина, несмотря на свою сиюминутную бесполезность, накапливается и проявляет себя как дополнительная информационная вооруженность, как жизненный опыт особей, из которого вид может черпать знания для расширения спектра поведенческих реакций и, соответственно, для вовлечения в свою жизнедеятельность новых, ранее неучитываемых компонентов своей среды обитания. В свою очередь, распространившиеся в популяциях новые формы поведения создают добавочные точки приложения естественного

отбора и тем самым новые направления прогрессивной эволюции. Таким образом, направление части жизненных ресурсов особи на свободное исследование, на бескорыстный поиск истины – не блажь, не легкомысленное расточение жизненных сил, а вполне осмысленная и оправданная многомиллионлетним опытом стратегия вида. Прогрессивные виды животных, т. е. виды, на предыдущем этапе межвидовой конкуренции уже выигравшие право на дальнейшее существование, вновь вкладывают определенную долю наличного энергетического потенциала в доказавшую свою успешность стратегию, чтобы в своем развитии не отстать от соперников и не сойти на очередном круге с беговой дорожки эволюции. Те же, кто пренебрегал *истиной* как самостоятельной ценностью, заботясь только об очевидной и непосредственно распознаваемой *пользе*, уже давно исчезли с лица земли, своей участью напоминая нам о том, что *нет ничего практичнее истинной теории*.

Мы видим, что свойственное человеку интеллигентное применение ума имеет фундаментальную биологическую основу – уже физиология человека предрасполагает его к тому, чтобы мышление в свободном режиме стало его потребностью. Но род *Ното* не только возник в результате этого направления развития животных, но и, сделав основную ставку на данную стратегию, многократно усилил эту эволюционную тенденцию, благодаря чему стал развиваться со стремительностью, совершенно недоступной всем прочим видам животных. Не вдаваясь глубоко в этот чрезвычайно интересный, но еще далеко не освоенный наукой комплекс проблем, остановимся на бесспорном утверждении о том, что не связанный ни с чьим личным или групповым интересом поиск чистой истины – «истины как таковой», – накопление таких истин, их систематизация и сохранение в течение многих поколений должны иметь в человеческом обществе приоритетный характер. Не надо тратить лишних усилий на доказательство реальности именно такого отношения к истине на протяжении всей известной истории человечества – это несомненный и широко известный факт⁷.

Способность и выраженная склонность к бескорыстному поиску истины – родовой признак человека. Подобно всем другим человеческим свойствам, эта способность очень сильно варьируется от индивида к индивиду, отличаясь по времени, уделяемому праздным наблюдениям и размышлениям, по степени увлеченности этим процессом, по степени сложности создаваемых мыслительных конструкций, по излюбленным предметам размышлений и т. д. Один в своих свободно текущих, но обрывочных и куцых мыслишках все время крутится вокруг своих повседневных жизненных забот и решается на серьезное обдумывание какого-либо предмета лишь в тех случаях, когда в его рассуждениях замаячит надежда на несомненную конкретную выгоду (или опасение такую выгоду потерять). Другой неустанно возвращается в мыслях к вопросу *прав ли Эйнштейн?* и что могло бы означать выражение $E = mc^2$? Третий и едучи на работу, и сидя на совещании, и в буфете, и уже дома в постели напряженно обдумывает: *мог ли все*

же Дон Игнацио убедить Марию выйти за него замуж, если бы успел встретить ее на вокзале?

Но, как бы ни велика была склонность отдаваться построению мыслительных конструкций, не имеющих отношения к реальной жизни индивида, в какие бы заоблачные астральные сферы она его ни уводила, не следует считать наличие этого свойства самого по себе свидетельством *интеллигентности*. О присутствии человеку интеллигентности мы можем говорить лишь тогда, когда найденная в процессе свободного размышления истина становится важным регулятором его решений и поступков, начинает определять его жизненные установки. Интеллигентным мы называем того, кто не только склонен пользоваться своим умом интеллигентным образом, но и в жизни предстательствует от имени ума. Несколько огрубляя, можно сказать, что *простой* человек пользуется умом для достижения своих целей, в то время как у *интеллигентного* – руководителем является ум, пользующийся человеком для того, чтобы воплотиться в реальной жизни. Конечно, мы не можем столкнуться с идеальными образцами *простого* или *интеллигентного* человека в окружающей нас жизни: это всего лишь крайние точки на воображаемой координатной оси, на одном конце которой значение *интеллигентности* принимается равным единице, а на противоположном – нулю. Человек с интеллигентностью, равной единице, умер, вероятно, уже в колыбели, не проявляя ни малейшего желания сосать материнскую грудь, а тот, чья интеллигентность равна нулю, возможно, и существует, но только как пациент специализированного учреждения, и его затруднительно назвать истинным человеком, поскольку на эволюционной шкале он занял бы положение намного ниже хомячка, с любопытством исследующего конструкцию и свойства стоящего в углу веника. В действительности мы все располагаемся где-то около середины этой мысленной оси, идущей от *абсолютной простоты* до *абсолютной интеллигентности*, и весь интерес сосредотачивается на некоторых отклонениях от средней величины – в ту или другую сторону, – характеризующих конкретных индивидов. Соответственно, говоря о том, что некий человек *интеллигентен*, мы имеем в виду, что его мнения и поступки, выражающие проявления его личности, очень часто представляются нам исходящими из его представления об истине, а не диктуемыми ему его собственными интересами и целями, и что в этом следовании истине он заметно отличается от других – *малоинтеллигентных* – людей.

Разговор на скамейке

Интересно, что с уверенностью судить о проявлениях интеллигентности мы можем только в тех случаях, когда она входит в противоречие с личными интересами человека и когда совершенный под ее влиянием поступок наносит ему некий ущерб (не обязательно имущественный). В этом отношении понятие *интеллигентный поступок* вполне аналогично понятию *нравственный поступок* в описании Канта, не без оснований утверждавшего, что о *нравственном*

поступке мы можем с уверенностью говорить лишь в том случае, когда поступок, соответствующий требованиям нравственного долга, не может быть объяснен какими-либо иными побудительными мотивами, вытекающими из интересов и склонностей субъекта действия.

Разберем это чуть подробнее на вымышленном бытовом примере.

Одним из широко распространенных способов удовлетворять потребность ума в свободном функционировании можно считать *сплетни*. Я не хочу сказать, что у записного сплетника или сплетницы не может быть иных мотивов, нежели бескорыстное выяснение каких-то – лучше скрытых – подробностей из жизни окружающих и такое же бескорыстное стремление поделиться полученными сведениями со своими знакомыми. Безусловно, целенаправленные сплетни такого рода существуют и даже, по-видимому, дали название этой человеческой активности⁸, но, с другой стороны, ясно, что они играют весьма незначительную роль в целостном феномене сплетен. Для большинства людей склонность к сплетням по смыслу близка к увлечению телесериалами, благодаря чему обсуждение героев сериалов сегодня успешно конкурирует с традиционным перемыванием косточек ближним.

Институт сплетен – а это, конечно, социальный институт, имеющий многовековую давность, – не так прост, как он кажется с виду, и был, судя по всему, одним из важнейших механизмов социального контроля в традиционных обществах. Видимо, ему надо приписать главную роль в создании устойчивой репутации каждому из членов общества: тысячи внимательных глаз следили за каждым твоим шагом, при каждом удобном случае припоминались не только твои поступки чуть ли не от рождения, но и поступки твоих дедов и прадедов, оставшихся жить в памяти народной, и все эти многообразные, часто противоречащие друг другу мнения самых различных людей кристаллизовались, в конечном итоге, во вполне определенный общественный образ тебя, который в значительной мере определял отношение к тебе самых разных людей и с которым тебе и всем прочим приходилось считаться. Аналогичным образом формировался образ всех общественно значимых событий и явлений, которые, может быть, и не привлекали того внимания рядовых сплетников и сплетниц, что и новая юбка соседской дочки, но так же время от времени становились темами досужих разговоров. Понимание этих, не имеющих определенной цели и, по видимости, ни к чему не ведущих разговоров как генератора представлений общества о себе и мире выразилось в русской пословице: *Глас народа – глас Божий* (и еще в десятках других пословиц). Казалось бы, это явный нонсенс – приравнивать мнения, высказываемые десятком-другим лиц, относительно умственных способностей, объективности и справедливости которых не возникает избыточных иллюзий, к голосу абсолютной Истины. Но народ, как и утверждает эта пословица, всегда прав – прав он оказывается и в этом суждении. Как бы вкривь и вкось ни судили досужие сплетники об избранном ими предмете, все же, если взглянуть на это дело статистически, можно заметить, что в их зачастую размашистых и неточных мнениях отсутствует

систематическая ошибка – подавляющая их часть формулируется без влияния личной заинтересованности, руководствуясь стремлением верно понять и оценить наблюдаемые факты, а потому усреднение этих мнений при смешении и трансляции должно, в итоге, давать достаточно точный образ явления. Крайности и случайные индивидуальные ошибки нивелируют друг друга, и постепенно образ стягивается в точку, близкую к истинному центру обсуждаемого предмета. Если множество стрелков стремится поразить цель, то, хотя точно в яблочко попадают лишь очень немногие, вся совокупность пробоян безошибочно определяет истинные координаты цели. Нетрудно заметить, что описанные таким образом архаичные *сплетни* почти идеально выражают понятие присущей обществу *интеллекции* (в смысле Жуковского) и выполняют социальную функцию, сходную с той, которую взяла на себя современная *интеллекция*. И это вовсе не случайно, это отражает тот факт, что в основе обоих феноменов лежит одна и та же способность человеческого ума генерировать суждения, не обусловленные никакой конкретной целью, кроме стремления к истине.

Однако, вспомнив про интеллекцию, пора вернуться к исходному вопросу, который привел к появлению сплетен в этом тексте. Предположим, что на скамейке (на деревенской улице или около подъезда городского дома) сидит группка вышедших почесать языки бабушек и тетушек, они делятся новостями и по своему обыкновению отпускают замечания, иногда выливающиеся в бурную и длительную дискуссию, по поводу проходящих мимо соседей. Их наблюдения и оценки определяются их жизненным опытом, образованием, эстетическими пристрастиями и т. д., но обсуждаемые ими предметы не затрагивают их интересов, и их суждения не имеют в виду конкретную пользу или выгоду. В таком случае налицо функционирующий механизм формирования народного гласа. Несмотря на то, что, по нашему предположению, умы и чувства всех участвующих в разговоре работают в режиме интеллигентного функционирования, у нас нет оснований судить о том, есть ли среди сидящих на лавочке интеллигентные люди, – ситуация не позволяет их выявить. Но предположим, мимо скамейки идет дочка местной достопримечательности, хорошо известной и во дворе, и в ближайшем отделении милиции. Чешущим языки, безусловно, есть что сказать по поводу проходящей красотишки и по поводу всего ее семейства – результаты тонких наблюдений и едкие замечания так и просятся на язык, но вслух их никто не высказывает, наступает неловкое молчание. Действительно, если суждения сидящих дойдут до ушей мамыши (а это не исключено), будет много крику, скандалу и даже, может быть, выдеранных волос. Никто не решается рисковать. И вот тут-то возникает ситуация, в которой может проявить себя интеллигентный человек. Если одна из кумушек скажет что-то неллицеприятное вслед ушедшей девушке, мы можем с уверенностью предположить, что именно выступившая обладает интеллигентностью в большей степени, чем другие, сидящие с ней рядом. Пока интересы свободно мыслящего ума не вступали в конфликт с интересами его обладательницы,

невозможно было определить, кто из них занимает в душе руководящее положение, но, как только возникла ситуация конфликта, обе его стороны – ум и я – стремятся взять верх, и по исходу этой борьбы мы можем определить главенствующую в душе силу. У всех промолчавших победило я, которое прицкинуло на ум, побуждающий открыть рот для опасного высказывания, и тот смирился, признав власть хозяина. Только у мадам X исход внутренней борьбы мотивов оказался иным: она сделала то, что требовал от нее ее ум, и донесла выработанное им – и истинное, с его точки зрения, – суждение до города и мира.

Эта простенькая мысленная модель интеллигентного поведения хороша тем, что представляет пример ситуации, очищенной от влияния всех прочих факторов. Она – идеализированный элементарный прототип всех реальных ситуаций, в которых интеллигентность проявляет себя в нашей жизни. Поэтому не надо представлять «скамейку» слишком реалистично, пользуясь своим житейским опытом и личным знакомством с теми, кто таким образом проводит свое свободное время. Нас интересуют не эти персонажи во всей полноте их душевной жизни, а лишь один изолированный и доведенный до идеальной чистоты аспект их поведения⁹. Прежде чем делать вывод, что все это чепуха и что в жизни *истинно интеллигентная* женщина ни в коем случае не станет сидеть на лавочке, лузгая семечки и гадая, откуда работающая в школьном буфете Антонина тащит такую тяжеленную сумку, нужно вспомнить, что упомянутая выше *мадам X* – точно такой же теоретический объект, как и *материальная точка*, поведение которой изучается в теоретической механике. В обыденной жизни мы не можем пользоваться правилом: *Легкие и тяжелые предметы падают с одинаковой скоростью*. Тот, кто попытается непосредственно использовать это правило в жизни, будет им жестоко обманут. Но, если мы хотим разобраться с падением разнообразных, имеющих различную форму и неодинаковый удельный вес предметов в реальных земных условиях, мы должны построить некоторую теорию, одним из первых положений которой будет это, казалось бы, совершенно расходящееся с нашим жизненным опытом правило. В задачу этой статьи, ясное дело, не входит описание реальных, встречающихся в жизни интеллигентов или реальных проявлений присущей им интеллигентности, цель наших рассуждений – подготовка теоретической базы для такого описания и выработка более или менее точных терминов, с помощью которых можно было бы начать описывать интеллигенцию и ее роль в общественной жизни. Поэтому не следует воспринимать приводимые примеры как некие картинки из жизни, которой автор, вероятно, вовсе не понимает – иначе бы он сам чувствовал фальшь и надуманность своих описаний. Используемые в качестве иллюстраций примеры – не художественные миниатюры и не социологические зарисовки, это всего лишь теоретические схемки для более полного и ясного понимания сути дела.

Примечания

1. Ср. с определением, которое приводит в разговоре один из героев Г. Успенского: «...я запомнил, не помню чье-то, превосходное определение этого слова – вот оно: “Интеллигенцию надобно понимать вне званий и состояний, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу. В поле – светят сучья хвороста, в избе – лучина, в богатом доме – лампа. Но везде разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свет...”» [Успенский, 1956, с. 237].

2. «Один мой знакомый на вопрос, как бы максимально кратко он определил интеллигента, подумал и сказал: “Ну, это, видимо, тот, кто без ошибок пишет слово *интеллигент*”. Можно и так. А можно, говоря предельно схематически и ради пушей выразительности максимально сгустив краски, предположить, что интеллигент от неинтеллигента отличается тем, что неинтеллигент в гостях стырит, допустим, ложку, а интеллигент — книжку» [Рубинштейн, 2008, с. 39].

3. Вообще, эти книги – пять томов Словаря, выложенные на авторском сайте [см.: Круглов. Содержание и информация] – предлагают читателю россыпь интереснейших мыслей обо всем на свете: от *Абсолюта* до *Языка*.

4. Заинтересовавшиеся этим вопросом могут обратиться к тому же Словарю Круглова [Круглов, 2008], где в статьях **Ум; Ум и чувство; Умничанье; Умствование** высказываются различные соображения по этому поводу.

5. «Мысль думает так, что ей все равно, что случится с тем, в ком она думает, от того, что она думает. Мысль еще не думает, если она не решила так, что перемена всей жизни, целого существа того, в ком она думает, ее не остановит и не отклонит» [Бибихин, 2007, с. 291].

«Для интеллекта процесс творчества важен сам по себе; интеллект глуп, как солнце, он работает бескорыстно» [Горький, 1922, с. 12].

6. «В настоящее время можно считать окончательно решенным вопрос о том, что исследовательское поведение животных побуждается самостоятельной потребностью в получении информации, т. е. новых стимулов с невыясненным прагматическим значением... На базе этого безусловного рефлекса можно выработать условные инструментальные реакции, где единственным подкреплением служит возможность осуществлять исследовательскую активность.

...Исследования последних лет показывают, что подкрепление исследовательского поведения тесно связано с механизмами положительных эмоций. При регистрации активности нейронов в переднемедиальной коре у крыс оказалось, что нейроны, усиливающие активность в ответ на стимуляцию эмоционально позитивных пунктов мозга, усиливают ее и при ориентировочно-исследовательском поведении... Вознаграждающий эффект удовлетворения исследовательской

потребности реализуется с участием эндогенных опиатов...» [Симонов, 1987, с. 36–37, 38].

7. Который только подтверждается столь же хорошо известными эпохами гонений на истину: те общества, где производство и воспроизводство истины были надолго затруднены, неуклонно деградировали и разрушались вследствие внутренних неурядиц и внешнего натиска более разумных соперников.

8. Словарь Ожегова делает акцент именно на таких злостных сплетнях: «**Сплетня**. Слух о ком-чём-н., основанный на неточных, заведомо неверных или нарочито измышленных данных» [Ожегов, 1968, с. 746]. Но я-то говорю об обычных, не имеющих определенной направленности житейских пересудах, в которых время от времени участвует каждый, и здесь ближе определение, данное Далем: «**Сплетник**. Нескромный перескащик или смутник, смутчик, баламут, переносчик, заглазный пересудчик. ...*Посидели, посплетничали и разошлись*» [Даль, 1955, с. 292], которое охватывает оба понимания *сплетни*.

9. Чтобы усилить в глазах недоверчивого читателя свою позицию, приведу цитату из работы известного русского мыслителя:

«Послушайте разговор сплетниц за утренним кофе. Вы поразитесь, сколько в нем любознательности, неутомимых попыток ума. Здесь вся наука бы пасс со всеми своими утонченными методами. Раскопать римский форум и раскопать тайны соседского дома – одинаково сложно, и в логическом отношении (т. е. именно в концепции 'истины') эквивалентно» [Федотов, 2015, с. 121].

Библиография

- Бибихин, В. В.* Язык философии. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 389 с.
- Горький, М.* О русском крестьянстве. – Берлин, 1922. – 56 с.
- Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р – В. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.
- Круглов, А.* Словарь А–И. Психология и характерология понятий. – Москва : Гнозис, 2000. – 380 с.
- Круглов, А.* Словарь Т–Я. Психология и характерология понятий. – Москва : РГО, 2008. – 472 с.
- Круглов, А.* Словарь. Содержание и информация [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://alkruglov.narod.ru/glossary.html> (дата обращения: 30.03.2019).
- Ожегов, С. И.* Словарь русского языка. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.
- Рубинштейн, Л. С.* Интеллигентные подтяжки // Рубинштейн Л. С. Словарный запас. – Москва : Новое издательство, 2008. – С. 27–39.
- Симонов, П. В.* Мотивированный мозг. – Москва : Наука, 1987. – 272 с.
- Успенский, Г. И.* Из разговоров с приятелями // Успенский Г. И. Собрание сочинений : в 9-ти т. Т. 5. – Москва : Художественная литература, 1956. – С. 203–260.
- Федотов, Г. П.* О гении // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 118–121.